

ОБЫКНОВЕННАЯ СТРАСТЬ

18+

АННИ ЭРНО

ЧИТАЙТЕ КНИГУ, СМОТРИТЕ ФИЛЬМ

Анни Эрно
Обыкновенная страсть
Серия «Литературные
хиты. Кинообложка»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=150929
Обыкновенная страсть / Анни Эрно: Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-116551-2

Аннотация

Два романа Анни Эрно под одной обложкой. «Обыкновенная страсть» – автобиографический роман об одержимости, которая способна овладеть влюбленной женщиной. Но можно ли удержать душу от разрушения, если красивый любовник не только не свободен, но и почти равнодушен? «Стыд» – история о том, как на нас влияет наше детство и как долго, уже повзрослев, мы несем на себе его отметины. Возможно ли отказаться от своего прошлого, если оно кажется постыдным и полным ошибок?

Содержание

Обыкновенная страсть	4
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Анни Эрно

Обыкновенная страсть

Обыкновенная страсть

*Журнал «Наедине с тобой» более непристойен,
чем де Сад.*

Ролан Барт

Этим летом я впервые смотрела по Каналу+ фильм категории X¹. У меня нет декодера, поэтому изображение на экране было нечетким, а слова сливались в причудливый гул, потрескивание, хлюпанье – непонятный, сладостный и непрерывный речевой поток. Я различала два силуэта: женщины в грации с резинками и в чулках – и мужской. Плохо понимала, что происходит и что означает тот или иной жест. Но вот мужчина подошел к женщине. После этого крупным планом показали женские гениталии, хорошо различимые на мерцающем экране, затем мужской член в состоянии эрекции, проникающий во влагалище. Потом очень долго, под разными углами, показывали соитие половых органов. Затем на экране снова появился член, зажатый мужской рукой, и на женский живот излилась обильная сперма. Со временем это

¹ Порнографический фильм. – (Прим. перев.)

зрелище становится привычным. Оно уже не потрясает, как в первый раз. Потребовалось, чтобы миновали века и сотни поколений сменили друг друга, и вот мы можем свободно наблюдать слияние женских и мужских гениталий, извержение спермы – и если раньше подобное зрелище повергало в обморок, то теперь оно столь же обыденно, как рукопожатие.

* * *

И у меня мелькнула мысль, что литературе стоило бы осмыслить чувства, которые вызывают сцены полового акта: смятение, ужас и, наконец, забвение всех моральных запретов.

* * *

С сентября прошлого года вся моя жизнь превратилась в лихорадочное ожидание мужчины: я только и делала, что ждала, когда он позвонит или приедет. Я ходила в супермаркет, в кино, сдавала отутюжить одежду, читала, проверяла тетради учеников – делала все, что и прежде, но если бы не давняя привычка, все эти повседневные дела стали бы для меня невыносимы или потребовали бы невероятных усилий. Особенно сильно я ощущала, что живу по инерции, когда приходилось с кем-то разговаривать. Слова, целые фразы и

даже смех вылетали у меня изо рта совершенно автоматически, словно помимо моей воли. Впрочем, очень смутно помню, чем я тогда занималась, какие фильмы смотрела, с кем встречалась. Единственный, кто в ту пору мог подвигнуть меня на осмысленные действия, требовавшие участия моей воли, желания и так называемых умственных способностей (заглядывать вперед, взвешивать все «за» и «против», а также возможные последствия), был этот мужчина:

- читать газетные статьи, в которых шла речь о его стране (он был иностранцем);
- приобретать новые наряды и макияж;
- писать ему письма;
- менять постельное белье и украшать спальню свежими цветами;
- записывать все важное и интересное, чтобы рассказать ему при встрече;
- покупать виски, фрукты и всякую всячину для нашего вечера вдвоем;
- стараться угадать, в какой комнате мы будем заниматься любовью на сей раз...

* * *

Разговаривая с людьми, я пробуждалась от своего безразличия, только когда затрагивались темы, хотя бы отдаленно связанные с этим человеком – с его работой, с его страной

или местами, где он бывал. Мой собеседник не подозревал, что мое оживление вызвано вовсе не его даром рассказчика и даже не предметом разговора, а всего-навсего упоминанием ночного клуба «Фьорендито», который мог посещать А., бывавший в Гаване по служебным делам еще за десять лет до встречи со мной. Читая книги, я точно так же задерживала внимание только на фразах, в которых говорилось об отношениях между мужчиной и женщиной. Мне казалось, что они помогают мне лучше понять А. и поверить в желаемое. Так, прочитав в романе «Жизнь и судьба» Гроссмана: «Кто целуется с открытыми глазами, тот не любит», – я тут же начала внушать себе, что А. любит меня: целуясь, он всегда закрывает глаза. В остальном же эта книга, как и все прочие занятия в тот год, помогала мне лишь скоротать время между свиданиями.

* * *

Мое будущее зависело только от телефонного звонка этого человека и встречи с ним. Я старалась как можно реже выходить из дома во внеурочное время (расписание моих занятий у него было), опасаясь, вдруг он позвонит, а меня не будет на месте. Я перестала пользоваться пылесосом и феном для волос, чтобы не пропустить телефонного звонка. Каждый звонок внушал мне надежду, но стоило мне медленно снять трубку, произнести «алло» и узнать, что это не он,

я испытывала такое сильное разочарование, что встречала в штывки звонившего мне человека. Если же я слышала голос А., это бесконечное, болезненное и ревнивое ожидание мгновенно забывалось, словно я в один миг излечивалась от безумия. Хотя, если признаться, меня поражала невыразительность его голоса и то, как много значит он в моей жизни.

Если он предупреждал, что приедет через час, то есть представился «удобный повод» опоздать домой, не вызывая подозрений у жены, начиналось лихорадочное ожидание, когда все одолевавшие меня мысли и желания улетучивались (возникал даже страх, смогу ли я насладиться его любовью), и я спешила переделать все, что до этого не планировала: принять душ, достать бокалы, покрыть лаком ногти, смахнуть тряпкой пыль. Я уже не сознавала, кого именно я жду. Я жила лишь предвкушением этой сокровенной минуты, приближение которой внушало мне необъяснимый ужас – когда я услышу звук тормозов, хлопок дверцы, его шаги на бетонном крыльце.

Но если он звонил и обещал приехать через три-четыре дня, я с отвращением думала о том, как же я вынесу свою обычную работу, предстоящие обеды с друзьями. Я жаждала полностью отдаться лишь одному – ожиданию. И меня мучила все нараставшая тревога: вдруг что-нибудь помешает нашему свиданию? Как-то после полудня я на машине мчалась к себе домой, чтобы успеть за полчаса до его приезда. И тут у меня мелькнула мысль: а что, если я сейчас с кем-ни-

будь столкнись? И тут же подумала: «Остановлюсь я в этом случае или нет?»²

И вот я совсем готова: подкрашена, причесана, в доме полный порядок, но если ожидание затягивалось, я была уже не в состоянии читать или проверять тетради. Да мне и не хотелось ни на что отвлекаться, чтобы не испортить эти минуты ожидания. Зачастую я записывала на листке дату, час, слова «сейчас он приедет» и свои опасения: вдруг не приедет, вдруг его желание угасло? Вечером я снова бралась за этот листок, чтобы записать «он приехал» и кое-какие подробности нашей встречи. Позже я с удивлением разглядывала свои каракули и читала подряд фразы, написанные до и после его приезда. В жизни их разделяли слова и жесты, и по сравнению с ними все было бессмысленно, в том числе мои записи, которые их фиксировали. Послеполуденные часы, ограниченные во времени звуком тормозов и шумом включенного мотора, которые я проводила в постели с этим человеком, стали для меня важнее всего на свете, отодвинув на задний план моих детей, победы на конкурсах, дальние путешествия.

² Я очень люблю проверять силу своих желаний, мысленно воображая себя виновницей или жертвой дорожного столкновения, внезапной тяжелой болезни или прочих трагических обстоятельств. Это довольно верный способ убедиться, насколько непобедимо мое желание, – а может, и бросить вызов судьбе, соглашаясь оплатить его столь высокой ценой: «Пусть хоть весь дом сгорит дотла, но я не сдвинусь с места, пока не допишу эту работу до конца». – (Прим. автора.)

* * *

Всего несколько часов. Перед его приходом я снимала часы с руки. Он же свои никогда не снимал, и я со страхом ждала минуты, когда он незаметно взглянет на них. Если я выходила на кухню за льдом, я поднимала глаза к стенным часам над дверью и отмечала про себя: «третий час», «час» или «через час я останусь здесь, а он уедет». И с ужасом думала: «А где же настоящее?»

Перед уходом он тщательно одевался. Я смотрела, как он застегивает рубашку, надевает носки, трусы, брюки, поворачивается к зеркалу, чтобы завязать галстук. Когда он наденет пиджак, все будет кончено. Я была уже не я, а время, которое отсчитывало во мне свои секунды.

* * *

Как только он уезжал, на меня наваливалась тяжелая усталость. Я не спешила приводить все в порядок. Я разглядывала стаканы, тарелки с остатками еды, пепельницу с окурками, одежду и белье, разбросанные в коридоре и спальне, свисающие до пола простыни. Мне хотелось сохранить этот беспорядок, потому что каждый предмет хранил память о каком-либо жесте или миге, и они сливались для меня в еди-

ную картину такой силы и драматизма, которые мне уже не найти ни в одном музейном полотне. Естественно, я не мылась до следующего утра, чтобы подольше удержать в себе его сперму.

Я подсчитывала, сколько раз мы занимались с ним любовью. Мне казалось, что каждое новое свидание укрепляет наши отношения, но, множась и множась, наши объятия и наслаждения неизбежно отдалят нас друг от друга. Мы слишком бурно растрачивали наш запас желания. Чем интенсивнее была наша страсть, тем скорее она должна была угаснуть.

Я погружалась в полудрему с ощущением, что сплю в его теле. Весь следующий день я не выходила из оцепенения и жила лишь воспоминаниями о его ласках, повторяя про себя произнесенные им слова. Он не знал непристойных французских выражений или, скорее, не хотел их употреблять, потому что для него они не несли в себе неприличного смысла – такие же слова, как и все прочие (так звучали бы и для меня бранные слова на его родном языке). В метро, в супермаркете мне слышалось, как он шепчет мне: «Поласкай губами мой член». Однажды на станции «Опера», погрузившись в свои грезы, я не заметила, как пропустила нужный мне поезд.

Постепенно наркотическое состояние проходило, и я снова полностью отдавалась ожиданию его звонка, с каждым днем все больше страдая и тоскуя. Когда-то чем больше я забывала уже сданные экзамены, тем очевиднее казалось, что

я их провалила, так и теперь – чем дольше он не звонил, тем сильнее росла уверенность, что он меня бросил.

* * *

Я то и дело покупала себе новые платья, серьги, чулки, а потом долго примеривала их дома перед зеркалом – только это и доставляло мне удовольствие в дни разлуки с ним. Недостижимый идеал, к которому я стремилась, – каждый раз удивлять его новым нарядом. Он едва успевал заметить приобретенные ради него блузки или лодочки – пять минут спустя они уже были сброшены и до его отъезда валялись где попало. Я очень хорошо знала, что никакие тряпки не спасут, если другая женщина станет для него более желанной, чем я. И все равно не могла позволить себе предстать перед ним в знакомом ему наряде – мне казалось, что это будет непростительной ошибкой, изменой тому совершенству, которого я жаждала достичь в отношениях с ним. Однажды, движимая все тем же стремлением к совершенству, я долго листала книгу «Искусство физической любви», наткнувшись на нее в большом книжном магазине. На обложке значилось, что уже «продано 700 000 экземпляров» этого издания.

* * *

У меня нередко возникало чувство, что свою страсть я переживаю, словно пишу книгу – точно так же стараюсь продумать и отшлифовать каждую сцену, каждую деталь. Вплоть до мысли, что готова умереть, когда дойду в своей страсти «до конца», не сознавая, что значит это «до конца» – все равно как вот сейчас я готова умереть, когда через несколько месяцев закончу эту книгу.

* * *

Общаясь с людьми, я старалась не выдавать своей одержимости, хотя это было совсем нелегко. Как-то в парикмахерской я видела, как все охотно отвечали болтливой клиентке, но стоило ей, запрокинув голову над тазиком, обмолвиться, что она «лечит нервы», весь персонал стал относиться к ней с некоторой настороженностью, словно это случайное признание подтверждало, что психика у нее и вправду расстроена. Я боялась, что тоже покажусь ненормальной, если вдруг скажу: «Я переживаю страсть». Стоя в очереди перед кассой в супермаркете или в банке, я всматривалась в других женщин и задавалась вопросом: сходят ли они с ума по мужчинам, как я? И если нет, то как же они могут так жить – хотя я

сама жила так еще совсем недавно, мечтая лишь о ближайшем уик-энде, ужине в ресторане, занятии гимнастикой или школьных успехах моих детей: все это стало мне сейчас в тягость или попросту безразлично.

* * *

В ответ на признание, услышанное от знакомого мужчины или женщины, что они были или сейчас в кого-то «безумно влюблены», или у них «постоянная любовная связь», меня тоже тянуло исповедаться. Но позже, когда эйфория от взаимных излиятий проходила, я очень строго корила себя за малейшую откровенность. Все эти разговоры, во время которых я поддакивала своим собеседникам: «и я», «совсем как я», «и у меня то же самое» и т. д., казались мне совершенно бесплодными, не имели никакого отношения к моей страсти и я только зря растрчивала себя на них.

* * *

Своим сыновьям-студентам, которые уже не живут со мной постоянно, я дала понять, чтобы они не мешали мне встречаться с любовником. Им было вменено в обязанность предупреждать меня по телефону о своем появлении в родном доме и немедленно исчезать, если я ожидала приезда А.

Внешне, по крайней мере, все протекало довольно гладко. Но я предпочла бы сохранить эту историю в тайне от детей, как когда-то скрывала от родителей свои первые любовные приключения. Чтобы не слышать их суждений. А еще потому, что детям и родителям чрезвычайно трудно смириться с сексуальной жизнью самых близких людей, чья плоть навсегда остается для них самой запретной. И пусть дети стараются не замечать затуманенный взгляд и рассеянное молчание матери, бывают моменты, когда они значат для нее не больше, чем подросшие котята для кошки, у которой они не вызывают ничего, кроме раздражения³.

В эти месяцы я ни разу не слушала классической музыки, мне больше нравились эстрадные песни. Самые сентиментальные, еще вчера ничего не значившие для меня песенки переворачивали мне душу. Прямо и откровенно они воспевали страсть как самое главное в жизни. Слушая, как Сильви Вартан поет свое знаменитое «C'est fatal, animal»⁴, я убеждалась, что не только я испытываю подобную страсть. Эти песни вторили моим чувствам и подтверждали их правомерность.

³ Журнал «Мари Клер» опубликовал интервью девушек и юношей, безоговорочно осуждающих любовные связи своих матерей, которые расстались или уже развелись с мужьями. Одна девушка с горечью говорит: «Ну какой прок от любовников моей матери? Из-за них она только морочит себе голову всякими фантазиями». Можно ли оказать женщине большую услугу? – (Прим. автора.)

⁴ Это фатально, животное (фр.). – (Прим. перев.)

Женские журналы я начинала читать с гороскопа.

Я выискивала фильмы, в которых надеялась увидеть собственную историю, и очень огорчалась, если фильм был старым и уже нигде не шел, как, например, «Империя чувств» Осимы.

Я подавала милостыню мужчинам и женщинам, сидевшим в переходах метро, загадывая желание, чтобы вечером он мне позвонил. Я клялась послать двести франков в «Народное вспомоществование», если он приедет ко мне в день, который я мысленно назначила. Вопреки своим привычкам, я сорила деньгами направо и налево. Все эти траты казались мне жизненно необходимыми, они были составной частью моей главной траты, неотделимой от моей страсти к А., как и бесконечные траты времени, заполненные грезами ожидания, и безжалостное отношение к собственному телу, которое я нещадно растрчивала, до изнеможения занимаясь с ним любовью, словно последний раз в жизни. (А кто знает, что не последний?)

Как-то днем, когда он был у меня, я поставила кипящую кофеварку на ковер в гостиной и прожгла его почти насквозь. Меня это не огорчило. Я даже с удовольствием смотрела потом на это пятно, вспоминая часы, проведенные с ним.

Повседневные неурядицы меня не раздражали. Меня совершенно не волновала двухмесячная забастовка почтовых работников, потому что А. не писал мне писем (наверняка из предосторожности, свойственной женатым мужчинам). Я спокойно переживала пробки, очереди перед окошком банка. Если меня обслуживали без должной любезности, меня это не задевало. Ничто не выводило меня из себя. К людям я испытывала смешанное чувство братской солидарности и жалостливого сострадания. У меня вызывали участие бродяги, спавшие на скамейках, клиенты проституток, туристка, зачитавшаяся романчиком издательства «Арлекино» (но я не смогла бы сказать, что же именно меня с ними роднит).

Однажды, когда я голая пошла на кухню, чтобы достать пиво из холодильника, мне вдруг вспомнились женщины из квартала моего детства – одинокие, замужние и даже многодетные матери, которые в дневные часы тайком принимали у себя мужчин (все насквозь прослушивалось, и потому я помню, как соседи бранили за недостойное поведение этих женщин, которые среди бела дня предавались удовольствиям, вместо того чтобы мыть окна). Как я понимала теперь этих женщин!

Свою страсть я переживала, как роман, но вот сейчас затрудняюсь определить, что же я пишу: свидетельство в исповедальном стиле, принятом в женских журналах, манифест, протокол или всего-навсего комментарий к тексту.

Я не пишу повесть о любовной связи и не могу воспроизвести свою историю с хронологической точностью: «Он приехал 11 ноября». Или в более эпическом стиле: «Прошли недели». Все это было для меня в ту пору неважно, только одно имело смысл: со мной он или нет. Я стараюсь запечатлеть лишь признаки страсти, постоянно выбирая между словами «всегда» и «однажды», словно это поможет передать подлинность моей страсти. Эти признаки и факты я перечисляю и воссоздаю без всякой иронии или насмешки, которыми обычно окрашены наши рассказы о пережитом.

Что же до истоков этой страсти, я не собираюсь их отыскивать в моем давнем или недавнем прошлом, которое заставил бы меня реконструировать психоаналитик, или в известных мне с детства образцах для подражания («Унесенные ветром», «Федра», да и песни Пиаф могут влиять не меньше, чем эдипов комплекс). Я не хочу объяснять свою страсть, иначе мне придется рассматривать ее как ошибку или отступление от правил, нуждающееся в оправдании, — нет, мне хочется ее лишь запечатлеть, вот и все.

Пожалуй, единственные конкретные факторы в этой истории — это время и свобода, которыми я располагала, чтобы отдаваться полностью своим чувствам.

* * *

Он любил костюмы от «Сен-Лорана», галстуки «Черут-

ти» и большие машины. Ездил он быстро. Сигналя фарами и молча, словно целиком отдаваясь счастливому ощущению, что вот он, выходец из Восточной Европы, совершенно свободный и великолепно одетый, разъезжает по автострадам, словно он здесь у себя дома. Ему льстило, что его считали похожим на Алена Делона. Мне казалось – если можно верно судить об иностранце, – что его не интересовали интеллектуальные и высокохудожественные произведения, хотя они и внушали ему уважение. По телевидению он предпочитал смотреть игры и «Санта-Барбару». Мне было все равно, что он смотрит. Потому что А. был иностранцем и его вкусы я воспринимала прежде всего как культурные отличия, в то время как подобные пристрастия у француза означали бы прежде всего разницу в социальном положении. Быть может, мне было даже приятно узнавать в А. того «парвеню», каким я была в пору отрочества. Девочкой-подростком я жадно мечтала о модных платьях, пластинках и путешествиях, потому что была лишена всех этих радостей, доступных моим ровесникам, – как и А., вместе со своим народом страдающий от «лишений» и мечтающий о дорогих рубашках и видеомагнитофонах, что украшают витрины западных магазинов⁵.

⁵ Этот человек продолжает где-то жить своей жизнью. Я не хочу описывать его более подробно и сообщать легкоузнаваемые детали. Он решительно «строит свою жизнь», то есть для него нет ничего важнее, чем преуспеть. Сама я живу иначе, но это не повод раскрывать его личность. Хотя он и стал неотъемлемой частью моего существования, он вовсе не желал стать героем моей книги. –

Он много пил, как это принято в странах Восточной Европы. Я боялась, как бы он не попал из-за этого в ДТП, но его пристрастие к алкоголю у меня не вызывало отвращения. Даже когда, целуясь, он пошатывался и не мог сдержаться отрыжки. Напротив, эти низменные проявления еще крепче привязывали меня к нему.

Но я не знала, что его влечет ко мне. Первое время мне было достаточно видеть, как он молча, счастливыми глазами смотрит на меня или говорит: «Я мчался к тебе как сумасшедший», или рассказывает о своем детстве, и я верила, что он испытывает такую же страсть, что и я. Затем эта уверенность стала угасать. Мне казалось, он стал более сдержанным и менее откровенным, но стоило ему заговорить о своем отце или пуститься в воспоминания о том, как он двенадцатилетним мальчишкой собирал малину в лесу, и мне снова хотелось верить в его любовь. Он ничего мне больше не дарил, и когда друзья дарили мне цветы или книгу, я вспоминала, что он даже не считает нужным оказывать мне знаки внимания, но тут же возражала себе: «Он одаривает меня своим желанием». Я жадно ловила фразы, в которых старалась угадать ревность – единственное, что подтверждало его любовь. Позже я поняла, что его вопрос: «Ты уезжаешь на Рож-

дество?» – имел совершенно банальный или вполне практический смысл: стоит ли планировать свидание со мной или нет. И он вовсе не таил скрытого любопытства: поеду ли я с кем-то кататься на лыжах (быть может, он даже хотел этого, чтобы встретиться с другой женщиной). Я часто раздумывала о том, что означают для него эти послеполуденные занятия любовью. Скорее всего, только занятия любовью – и ничего больше. И не стоило искать в этом какой-то иной смысл. Единственное, что я могла знать наверняка: желает он меня или нет. Чтобы убедиться в этой неоспоримой истине, достаточно было взглянуть на его член.

* * *

Он был иностранцем, из-за этого мне было еще труднее понять этого человека, воспитанного в стране совсем другой культуры, которую я знала лишь на уровне туристических клише. Поначалу меня крайне удручали преграды, мешавшие нам понимать друг друга: хотя он довольно свободно изъяснялся по-французски, я не говорила на его языке. Позже я стала утешать себя тем, что эта ситуация спасает меня от иллюзии совершенного согласия, то есть полного слияния с ним. Его французский грешил мелкими ошибками, и порой я раздумывала над тем, какой смысл вкладывает он в свои слова, постоянно сознавая приблизительность наших диалогов. По счастью, я уже давно сделала открытие, неизбежно

повергающее в ужас и смятение: любимый человек всегда остается чужим.

Неудобства, связанные с его положением женатого мужчины – невозможность звонить и писать ему письма, преподносить подарки, происхождение которых трудно объяснить жене, полная зависимость от его распорядка, – все это я воспринимала как должное.

При встрече я вручала ему письма, которые начинала писать, как только за ним захлопывалась дверь. Я подозревала, что, прочитав мои послания, он тут же рвет их на мелкие клочки и выбрасывает на автостраду, но это не мешало мне писать снова и снова.

Я старалась не оставлять никаких следов на его теле и одежде, чтобы уберечь от сцен с женой – они могли вызвать у него озлобление и подтолкнуть к разрыву со мной. По этой же причине я не ходила в дома, где он бывал вместе с женой. Я опасалась, что случайным жестом – поглажу затылок А. или поправлю что-нибудь в его костюме – выдам нашу связь. (Я не хотела также подвергать себя напрасным страданиям, потому что всякий раз при встрече с его женой я воображала, как А. занимается с ней любовью, и сколько бы я ни уговаривала себя, что он ложится в постель с этой дурнушкой только потому, что она всегда «под рукой», это была попытка для меня.)

* * *

Эти преграды лишь подстегивали жажду встречи и желание. Так как он звонил мне из ненадежных телефонов-автоматов, то, сняв трубку, я часто ничего не слышала. Со временем я поняла, что за этим «ложным» звонком последует настоящий – самое позднее четверть часа спустя, когда ему удастся найти исправный автомат. Этот первый немой звонок был предвестником его голоса, верным обещанием (обычно редко сбывающимся) счастья, а временной отрезок, отделявший первый звонок от второго, когда он называл мое имя и спрашивал: «Мы можем увидеться?» – чуть ли не самыми прекрасными минутами моей жизни.

* * *

Вечером перед телевизором я думала, не смотрит ли он сейчас ту же передачу или фильм, что и я, особенно если шла любовная или эротическая лента или она напоминала нашу ситуацию. Я воображала, как он смотрит «Соседку» и в роли персонажей этого фильма видит себя и меня. Если он говорил, что действительно смотрел этот фильм, мне хотелось верить, что он выбрал его из-за нас и что на экране наша история должна казаться ему более романтической и,

во всяком случае, вполне оправданной. (Естественно, я тут же гнала мысль о том, что наша связь, напротив, может показаться ему опасной – ведь в кино все внебрачные страсти заканчиваются плохо⁶.)

* * *

Иногда я думала, что за целый день он, быть может, ни разу не вспоминает обо мне. Я представляла себе, как он встанет с постели, пьет кофе, разговаривает, смеется, словно меня нет на свете. Это настолько не походило на мою собственную одержимость им, что казалось невероятным. Разве такое возможно? Сам он был бы наверняка поражен, узнав, что я думаю о нем с утра до ночи. Бесплезно сравнивать наше отношение друг к другу. В каком-то смысле мне повезло больше, чем ему.

* * *

Когда я шла по Парижу и видела, как по бульварам катят большие машины, а в каждой из них с деловым видом сидит высокопоставленный чиновник, я понимала, что А. – точно такой же, как они, и в первую очередь его заботит лишь соб-

⁶ Фильмы «Лулу» Пьяла, «Слишком красивая для тебя» Блие и др. – (Прим. автора.)

ственная карьера, хотя время от времени у него случаются приступы эротизма, а может, и любовные увлечения – каждые два-три года новой женщиной. Подобные мысли отдаляли меня от него. Я принимала решение больше не видеться с ним. Я была уверена, что он стал мне безразличен, как эти выхоленные чистюли, восседающие в своих BMW и R25. Но, проходя мимо витрин, я засматривалась на выставленные там платья и белье, словно готовясь к новому свиданию.

В действительности я не стремилась хоть как-то отдалиться от него. Напротив, я старательно избегала всего, что могло отвлечь меня от моего наваждения – чтения книг, развлечений и прочих занятий, которые я прежде любила. Я жаждала праздности. Я возмущенно отказалась от дополнительной нагрузки, которую пытался возложить на меня директор, и чуть не оскорбила его по телефону. Я полагала, что вправе противиться всему, что помешает мне полностью отдаваться своим переживаниям и бесконечным фантазиям, на которые обрекала меня моя страсть.

* * *

В парижском и региональном метро, в залах ожидания – повсюду, где можно только сидеть и думать, я начинала мечтать об А. И стоило мне погрузиться в свои грезы, как в голове у меня от счастья тут же происходил спазм. Мне чудилось, что я предаюсь физическому наслаждению, слов-

но мозг от притока повторяющихся картин и воспоминаний способен самостоятельно – подобно половому органу – испытывать оргазм.

* * *

Записывая эти строки, я, естественно, не краснею от стыда – ведь никто, кроме меня, их не видит, и пройдет время, прежде чем они будут кем-то прочитаны, а возможно, это не случится никогда. Кто знает? Вдруг я попаду в аварию или умру, вдруг разразится война или революция? Благодаря этой временной дистанции я пишу сегодня с тем же самозабвением, с каким в шестнадцать целые дни напролет жарилась под солнцем, а в двадцать, не предохраняясь, занималась любовью – не думая о последствиях.

(Человека, пишущего о своей жизни, напрасно отождествляют с эксгибиционистом – последний жаждет не только обнажиться, но и быть в ту же минуту увиденным.)

* * *

Весной вся моя жизнь превратилась в сплошное ожидание. С начала мая установилась ранняя жара. Улицы расцвелились летними платьями, а террасы кафе заполнились людьми. Отовсюду неслась мелодия экзотического танца, на-

певаемая приглушенным женским голосом, – ламбада. Все это означало новые удовольствия, которыми А. мог наслаждаться без меня. Я внушала себе, что высокий пост, занимаемый им во Франции, делает его неотразимым для женщин: свои же достоинства я, напротив, всячески занижала, не находя в себе ничего интересного, что могло бы удержать его подле меня. Бывая в Париже, я все время ждала встречи с ним: вот он едет в машине, а рядом с ним – женщина. Я шла очень быстро, заранее приняв гордый и безразличный вид. Не важно, что эта встреча так и не состоялась: я брела по бульвару Итальянцев, обливаясь потом и воображая, как он провожает меня взглядом, в то время как он, неуловимый, был где-то далеко от меня. Но этот мираж преследовал меня неотступно: А. в машине, стекла опущены, играет тихая музыка, он катит в сторону парка Со или Венсенского леса.

Как-то в еженедельной телепрограмме мне попался на глаза репортаж о кубинской танцевальной труппе, которая приехала на гастроли в Париж. Автор подчеркивал чувственность и свободные нравы кубинок. Здесь же был напечатан снимок интервьюируемой танцовщицы – высокой, черноволосой, с длинными обнаженными ногами. С каждой фразой моя тревога возрастала. Дочитав интервью до конца, я уже не сомневалась, что А., бывавший на Кубе, встречался с этой танцовщицей. Я так и видела их вдвоем в гостиничном номере, и никто не смог бы меня убедить, что эта сцена – плод моей фантазии. Более того, сама попытка усомниться в ее

достоверности показалась бы мне глупой и бессмысленной.

* * *

Когда он наконец звонил мне, чтобы увидеться, даже этот долгожданный звонок не снимал моего болезненного напряжения. Услышав его голос – наяву, а не в мечтах, – я уже не расцветала от счастья. Меня постоянно что-то угнетало – кроме тех минут, когда мы соединялись с ним в любви. Но и тогда я уже со страхом ждала новой разлуки. Даже наслаждение я переживала как будущую боль.

* * *

Как часто мне хотелось порвать с ним, чтобы не зависеть от его звонков, не страдать, но мне тут же представлялась жизнь, которая ждет меня после разрыва, – череда безнадежно унылых дней. И я была согласна на все, чтобы продлить эту связь – пусть даже у него будет другая или другие женщины (хотя для меня это означало еще большие муки, чем сегодняшние страдания, подталкивающие меня к разрыву). Но стоило мне заглянуть в ожидавшее меня небытие, и моя нынешняя жизнь казалась мне счастьем, а ревность – не очень желанной, но все же спутницей счастья, и было безумием жадать освобождения от нее: как только он уедет или по-

кинет меня, то некого будет и ревновать.

* * *

Я старалась не бывать в местах, где могла встретиться с ним на людях – мне было невыносимо видеть его издали. Однажды я не пошла на какое-то торжество, куда был приглашен и он, но целый вечер меня преследовала картина: он – улыбающийся и предупредительный – расточает знаки внимания женщине, совсем как в день знакомства со мной. Потом мне сказали, что гостей на этом вечере было «раздва и обчелся». У меня отлегло от сердца, и я с удовольствием повторяла про себя это выражение, словно существовала прямая зависимость между атмосферой приема и числом приглашенных женщин, хотя на самом деле достаточно было случайной встречи и одной-единственной женщины, и все зависело от того, вздумается ему или нет за ней приударить.

Я хотела знать, как он проводит выходные дни, где бывает. Я думала: «Вот сейчас он совершает пробежку в лесу Фонтенбло, вот едет в Довиль, загорает на пляже рядом с женой» и т. д. Мне казалось, что, если я знаю или представляю себе, где и в какой момент он находится, это спасет меня от его неверности. (Совсем как непоколебимая уверенность, что, если я знаю, как развлекаются или проводят каникулы мои сыновья, это уберезет их от несчастного случая, наркотиков или риска утонуть.)

Тем летом я не хотела уезжать в отпуск и просыпаться по утрам в номере гостиницы, зная, что предстоит прожить целый день, даже не надеясь на его звонок. Но отказаться от каникул – это означало с еще большей откровенностью признаться ему в своей страсти, чем сказать: «Я совсем потеряла голову из-за тебя». Однажды, когда мне очень хотелось порвать с ним, я приняла внезапное решение и забронировала билет на поезд и комнату в отеле во Флоренции – за два месяца вперед. Меня чрезвычайно обрадовала придуманная мною форма разрыва, поскольку мне не придется покидать его немедленно. День отъезда я ждала с той безнадежностью, с какой ожидала бы экзамена, на который записалась давным-давно, но так и не подготовилась к нему, заведомо уверенная, что все равно провалюсь. Лежа на кушетке в спальном вагоне, я мечтала о том, как через неделю этим же поездом буду возвращаться в Париж – перспектива неслыханного, прямо-таки невозможного счастья (ведь я могу умереть во Флоренции или просто никогда больше его не увидеть), – и чем дальше уносилась я от Парижа, тем бесконечнее и нестерпимее казалось мне время, разделявшее отъезд и возвращение.

Самым тягостным было то, что я не могла просидеть целую неделю взаперти в своем номере в ожидании поезда, ко-

торый увезет меня в Париж. Необходимо было как-то оправдать поездку и походить по городу, что я с таким удовольствием делаю обычно во время путешествий. Я часами бродила по району Ольтранно и саду Боболи, доходя пешком до пьядца Сан Микеланджело и Сан Миньято. Я заходила во все открытые церкви и молила Бога исполнить три моих желания (надеясь, что хоть одно из них сбудется – все три, естественно, были связаны с А.), и я долго сидела в прохладе и тишине, сочиняя один из многочисленных сценариев (вот мы вместе с ним во Флоренции, вот через десять лет случайно встречаемся в аэропорту и т. д.), которые преследовали меня везде и постоянно, с утра до вечера.

* * *

Я не понимала, зачем люди отыскивают в путеводителе дату создания каждой картины и комментарии – ведь все это не имеет никакого отношения к их личной жизни. В произведениях искусства меня интересовала только любовь. Я много раз возвращалась в церковь Бадиа, потому что Данте встретил там Беатриче. Мне переворачивали душу полустертые фрески Санта Кроче, потому что я представляла себе, как в будущем и он, и я сохраним о нашей истории лишь обрывки смутных воспоминаний.

В музеях меня привлекали только изображения любви. Особенно притягивали статуи обнаженных мужчин. Я виде-

ла в них сходство с А. – те же плечи, живот, гениталии и эта впадинка, соединяющая внутреннюю сторону бедра и пах. Я не могла оторвать глаз от Давида Микеланджело, мучительно страдая от мысли, почему же все-таки не женщина, а мужчина столь божественно воспроизвел красоту мужского тела. Даже если это легко объяснить угнетенным положением женщины в ту эпоху, все равно я ощущала это как невосполнимую потерю⁷.

* * *

Когда я возвращалась в поезде домой, у меня было чувство, что я вписала свою страсть во Флоренцию, гуляя по ее улицам, переходя из музея в музей и думая только об А. Что бы я там ни делала – ходила, смотрела, ела или спала в шумном отеле на берегу Арно, – он постоянно был рядом со мной. Эта неделя, которую я провела в полном молчании, общаясь лишь с официантами ресторана, настолько переполненная А., что меня поражало, когда за мной пытались приударить другие мужчины (неужели они не видели, что я вся светилась любовью к А.?), в конечном итоге показалась мне испытанием, еще более укрепившим мою любовь. От-

⁷ Точно так же я сокрушалась, почему ни одна женщина не написала полотна, которое вызывало бы столь же необъяснимое чувство, как картина Курбэ «Происхождение мира», на первом плане которой изображены обнаженные половые органы лежащей женщины с затененным лицом. – (Прим. автора.)

крылись дополнительные источники, на сей раз воображение и желание, обостренные разлукой.

* * *

Полгода назад он уехал из Франции и вернулся в свою страну. Скорее всего, я уже больше никогда его не увижу. Первое время, когда я просыпалась в два часа ночи, мне было безразлично – жить или умереть. У меня болело все тело. Мне хотелось вырвать из себя эту боль, но у меня болела каждая клетка. Я мечтала, чтобы ко мне в спальню ворвался грабитель и убил меня. Днем я все время придумывала себе занятия, ни минуты не оставаясь без дела – чтобы не погибнуть (я и сама толком не знала, чего я боялась – впасть в депрессию, запить и т. д.). Ради этого я старалась тщательно одеваться, подкрашивала лицо и вместо очков носила линзы, несмотря на связанные с этим неприятные процедуры. Я не могла смотреть телевизор и читать журналы, потому что в них слишком много рекламы, а в любой рекламе – от духов до коротковолновки – женщина ждет мужчину. Я отворачивалась, проходя мимо модных лавок, торгующих бельем.

Когда мне было совсем не вмоготу, у меня возникало нестерпимое желание пойти к гадалке – мне казалось, только это поможет мне выжить. Как-то я попыталась найти имена ясновидящих в Интернете. Список оказался длинным. Одна из них утверждала, что предсказала землетрясение в Сан-

Франциско и смерть певицы Далиды. Пока я выписывала имена и номера телефонов, меня переполняло то же счастливое ликование, что и месяц назад, когда я примеряла новое платье, покупая его для А., словно и сейчас я делала что-то ради него. Я так и не позвонила ни одной гадалке, опасаясь услышать от нее, что он уже никогда не вернется. Спокойно, без удивления я думала о том, что «мне пора с этим кончать». И я не видела причин, почему бы мне с этим не покончить.

* * *

Как-то ночью меня пронзила мысль: а что, если пройти тест на СПИД – может, хоть это осталось мне от него?

* * *

Я постоянно вспоминала его тело, волосы на больших пальцах ног. Мне по-прежнему отчетливо виделась его зеленые глаза, прядь волос, спадающая на лоб, слегка сутулые плечи. Я ощущала вкус его зубов, рот, линию бедер, прикосновение его кожи. Я размышляла о том, какая хрупкая грань отделяет это воскрешение живых ощущений от галлюцинации и власть воспоминаний от безумия.

* * *

Однажды, лежа на животе, я заласкала себя до оргазма, и мне почудилось, что испытала наслаждение за него.

* * *

Неделю за неделей:

я просыпалась среди ночи и в странном состоянии, между сном и явью, оцепенело дожидалась утра. Мне так хотелось провалиться в сон, но он, недоступный, парил где-то высоко надо мной;

у меня не было ни малейшего желания вставать. Какой смысл начинать еще один пустой и бессмысленный день. Я уже ничего не ждала от времени, оно несло мне только старость;

делая покупки в супермаркете, я думала: «Зачем мне теперь все это?» (виски, миндаль и прочее);

я разглядывала блузки, туфли, купленные ради мужчины и превратившиеся теперь в модное, но никчемное барахло. Могут ли радовать вещи, да и все остальное, если они не служат любви? Похолодало, и мне понадобилось купить шаль: «Но он ее уже не увидит»;

мне все опротивели. Я встречалась только с людьми, с ко-

торыми познакомилась в период своей связи с А. Они были приобщены к моей страсти. Даже если они не вызывали у меня никакого интереса или уважения, я испытывала к ним своеобразную нежность. Но я не могла смотреть на телеведущего или актера, которые нравились мне только потому, что походкой, мимикой, глазами напоминали мне А. Узнавая теперь его черты в совершенно чужих мне людях, я воспринимала это как жестокий обман. Я ненавидела всех этих типов за то, что они продолжали походить на А.;

я давала обет: если он позвонит мне до конца месяца, я пожертвую пятьсот франков благотворительной организации;

я воображала: мы встречаемся в отеле, аэропорту, или что от него приходит письмо. И я отвечала на несказанные им слова и письма, которые он никогда не напишет;

если я шла туда, где бывала до его отъезда, – к дантисту, на собрание преподавателей – я надевала тот же костюм, что и год назад, стараясь убедить себя, что схожие обстоятельства – залог того, что вечером он непременно позвонит. Вконец убитая, я около полуночи ложилась спать, сознавая, что весь день реально надеялась на его звонок.

* * *

Бессонными ночами мысли уносили меня иногда в Венецию, где я отдыхала за неделю до знакомства с А. Я старалась вспомнить мой распорядок дня и мои прогулки по Заттере и

улочкам Джудекки. Вспоминала свою комнату в пристройке к отелю «Ла Канчина» и все, что в ней было: узкую кровать, заколоченное окно, выходящее на внутренний двор кафе, куччоло, стол, покрытый белой скатертью, на котором лежали мои книги, названия которых я теперь пыталась припомнить. Я перебирала в памяти все находившиеся в этой комнате предметы, стараясь не упустить ни одной детали, как если бы стоило мне полностью восстановить в памяти место, где я провела какое-то время до знакомства с А., я бы заново пережила свою историю с ним. Ради этого я была готова и в самом деле вернуться в Венецию, в тот же отель, в ту же комнату.

Чем бы я ни занималась в ту пору, все мои мысли, все поступки были обращены в прошлое. Настоящее я силилась обратить в прошлое, потому что оно несло в себе обещание счастья.

* * *

Я все время подсчитывала: «уже прошло две недели», «пять недель, как он уехал», год назад в этот день я была там-то, я делала то-то... Что бы мне ни вспоминалось: открытие коммерческого центра, приезд Горбачева в Париж, победа Чанга в Ролан-Гарросе, – тут же мелькала мысль: «Он был еще здесь». Я так отчетливо помнила всякие мелочи – вот я копаюсь в каталожном отделе Сорбонны, иду по бульвару

Вольтера, примеряю юбку в «Беннетоне», – словно переживала все это заново и не хотела мириться с невозможностью перенестись в тот день или час, как я перехожу из одной комнаты в другую.

* * *

В своих снах я тоже жаждала повернуть время вспять. Я разговаривала и ссорилась с матерью, воскресавшей в моих снах – при этом и я, и мать знали, что она мертва. В этом не было ничего сверхъестественного – смерть стояла за ней, как «нечто само собой разумеющееся», вот и все. Сон этот повторялся довольно часто. Еще мне снилась маленькая девочка в купальнике, которая не вернулась домой. Преступление тут же раскрывалось. Ребенок оживал, чтобы воспроизвести путь, который привел его к гибели. Но знание истины мешало суду восстановить обстоятельства преступления. Еще мне снилось, что я теряю сумку, сбиваюсь с дороги, не успеваю собрать чемодан, чтобы сесть на уходящий поезд. Мне снился А., но вокруг него люди, и он даже не смотрит на меня. Мы едем вместе в такси, я ласкаю А., но его член не реагирует на мои ласки. Потом мне снится, что он уже хочет меня. И молча овладевает мною в туалете кафе или на улице, прижав к стене.

* * *

По выходным я принуждала себя заниматься тяжелой физической работой – убирать дом, возиться в саду. К вечеру я была вся разбита и падала от усталости – как если бы эти послеполуденные часы провела с А.

* * *

Я начала рассказывать, как «с сентября прошлого года вся моя жизнь превратилась в лихорадочное ожидание мужчины», но прошло всего два месяца после отъезда А., а я уже не могу вспомнить, в какой день что произошло. Я хорошо помню все события, которые ассоциируются у меня с моей связью с А.: октябрьские волнения в Алжире, жару, затянутое дымкой небо 14 июля 89-го, даже куда более мелкие факты – например, покупку миксера в июне, накануне нашего свидания. Но ни одну из написанных страниц я не могу привязать к ливню, который мне запомнился, или к каким-то другим событиям, что произошли в мире за эти пять месяцев, – к падению Берлинской стены, казни Чаушеску. Время описания страсти не совпадает со временем самой страсти.

Между тем я взялась за этот рассказ только ради того, чтобы подольше оставаться в том времени, когда буквально все

– от выбора фильма до приобретения губной помады – было подчинено лишь определенному человеку. Несовершенное прошедшее время, которое я неосознанно выбрала с первых же строк, помогает мне продлить время, когда «жизнь была более счастливой, чем сейчас», и я не хочу, чтобы это время кончалось. И еще, чтобы пробудить боль, которая сменила прежнее ожидание его телефонных звонков и встреч. (Сегодня мне еще так же больно перечитывать свои первые страницы, как больно трогать или видеть махровый халат, который он набрасывал, когда приезжал ко мне, и снимал перед уходом. И разница лишь в том, что если эти страницы всегда будут что-то значить для меня, а может, и для кого-то еще, то халат – он и сейчас дорог только мне – в один прекрасный день перестанет меня волновать, и я брошу его в ящик с ненужным хламом. Записывая эти мысли, я, должно быть, пытаюсь спасти и халат.)

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.